

Борис Чичибабин (1923–1994)

«Господи, прими мои грехи...»

Как только я мысленно произношу это звенящее, птичье имя — Борис Чичибабин, — во мне сразу же начинается звучать голос поэта: густой, горячий, виновато-уважительный звук. Я и поэзию чичибабинскую вспоминаю через неповторимое авторское чтение. Вот и сейчас — начал выписывать его строки, и как будто услышал —

*Я почуял беду и проснулся от горя и смуты,
и заплакал о тех, перед кем в неизвестном долгу, —
и не знаю, как быть, и как годы проходят минуты...
Ах, родные, родные, ну чем я вам всем помогу?..*

Слова Волошина «голос — это внутренний слепок души», — словно бы о Чичибабине.

...Всё тянет к нему: и линия советской судьбы (сиделец в сталинские и литературный изгнанник в «застойные» времена), и бытовая легенда (десятилетия бухгалтерского труда в трамвайном депо), и — главное — самостоянье во всём.

Его первое выступление в Москве состоялось весной 1987 года, на открытии выставки, посвященной Н.А. Некрасову. Борис Алексеевич прочитал своё знаменитое «Не умер Сталин!» Мог ли поэт представить в те дни, что безбожная идеология, которую в течение семидесяти лет навязывали стране как путеводное учение, вот-вот рассыплется в прах? И мог ли вообразить, что впоследствии, спустя годы, коммунисты предложат приравнять критику советского прошлого к измене родине? И даже договорятся до того, что большевистские максимы и Христовы заповеди, мол, близкородственны меж собою?

Кстати, распад страны стал для него не «крупнейшей геополитической катастрофой», но — личной трагедией, о которой он написал гениальный «Плач по утраченной родине». Герценовское «мы не врачи, мы — боль» — это как раз про Чичибабина: вольнодумца, проповедника и стихотворца *одического*, «допушкинского» склада.

Не зная Церкви, не принимая соборности, он стал кающимся молитвенником. «Чувство своей малости, — писала поэт и мыслитель Зинаида Миркина, — было для него условием истинного счастья». ...Пользуясь случаем, поклонюсь жене поэта — Лиле Семёновне Карась, её много-трудному, удивительному служению памяти Бориса Чичибабина. **ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок Натальи Романенко

Молитва

Не подари мне лёгкой доли,
в дороге друга, сна в ночи.
Сожги мозолями ладони,
к утратам сердце приучи.

Доколе длится время злое,
да буду хвор и неимуш.
Дай задохнуться в диком зное,
весёлой замятью замучь.

И отдели меня от подлых,
и дай мне горечи в любви,
и в час, назначенный на подвиг,
прощённого благослови.

Не поспешишь на холод ссылок
и мрак отринутых страстей,
но дай исполнить всё, что в силах,
но душу по миру рассей.

Когда ж умаюсь и остыну,
сними заклятие с меня
и защити мою щетину
от неразумного огня.

<1963–1964>

Я не знаю, пленник и урод,
славного гражданства,
для чего, как я, такому вот
на земле рождаться.

Никому добра я не принёс
на земле на этой,
в темном мире не убавил слёз,
не прибавил света.

Я не вижу меж добром и злом
зримого предела,
я не знаю в царстве деловом
никакого дела.

Я кричу стихи свои глухим,
как собака вою...
Господи, прими мои грехи,
отпусти на волю.

1980

Ежевечерне я в своей молитве
вверяю Богу душу и не знаю,
проснусь с утра или ее на лифте
опустят в ад или поднимут к раю.

Последнее совсем невероятно:
я весь из фраз и верю больше фразам,
чем бытию, мои грехи и пятна
видны и невооруженным глазом.

Я все приму, на солнышке оттаяв,
нет ни одной обиды забытой;
но Судный час, о чем смолчал Бердяев,
встречать с виной страшнее, чем с обидой.

Как больно стать навеки виноватым,
неискупимо и невозмещённо,
перед сестрою или перед братом, —
к ним не дойдет и стон из бездны чёрной.

И все ж клянусь, что вся отвага Данта
в часы тоски, прильнувшей к изголовью,
не так надежна и не благодатна,
как свет вины, усиленный любовью.

Всё вглубь и ввысь! А не дойду до цели —
на то и жизнь, на то и воля Божья.
Мне это всё открылось в Коктебеле
под шорох волн у черного подножья.

1984

Из «Сонетов любимой»

(1969–1975, 1993)

Не лну к трудам. Не состою при школах.
Все это ложь и суета сует.
Король был гол. А сколько истин голых!
Как жив еще той сказочки сюжет.

Мне ад везде. Мне рай у книжных полок.
И как я рад, что на исходе лет
не домосед, не физик, не геолог,
что я никто — и даже не поэт.

Мне рай с тобой. Хвала Тому, кто ведал,
что делает, когда мне дела не дал.
У ног твоих до смерти не уныл,

не часто я притрагиваюсь к лире,
но счастлив тем, что в рушащемся мире
тебя нашел — и душу сохранил.

Мне горько, мне грустно, мне стыдно с людьми,
когда они любят меня,
а нет в моем сердце ответной любви,
и я им ни друг, ни родня.

О, это — как будто на званом пиру
пред всеми явиться нагу,
и кажется мне, что у всех я беру,
а дать ничего не могу.

Ну вот я и роюсь в моей кладовой,
спешу, сучусь, бестолков:
ведь мне и отсрочка-то лишь для того,
чтоб не оставалось долгов.

Какой уж там образ, какой уж там звон!
Мечусь между роз и ромаш:
скорей бы разделаться с ложью и злом,
нашарить добро в закромах.

Простите меня, что несладок, неспел
мой плод и напрасен азарт,
простите меня, кому я не успел
просимого слова сказать.

Я только ещё потому и живой
и Божьему свету под стать,
что всем полюбившим обязан с лихвой
любовью и жизнью воздать.

1990